Я требую… свадьбу!

Автор:
Ким Лоренс

Я требую… свадьбу!

Ким Лоренс

Соблазн – Harlequin #385

Дерзкий и самоуверенный Айво Греко намерен заявить права на своего осиротевшего племянника. Но вот только как быть с тем, что у мальчика уже есть законная опекунша – яркая и решительная Флора Хендерсон? Айво предлагает девушке фиктивный брак и увозит ее в Тоскану. Он точно знает: серьезные отношения не входят в его планы, и он не намерен влюбляться. Но что же делать с внезапно вспыхнувшей страстью, которая обрушилась на них с Флорой, не оставив шансов на спасение?..

Ким Лоренс

Я требую… свадьбу!

Kim Lawrence

A WEDDING AT THE ITALIAN'S DEMAND

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S.A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

A Wedding at the Italian's Demand

© 2019 by Kim Lawrence

«Я требую… свадьбу!»

© «Центрполиграф», 2021

© Перевод и издание на русском языке,

«Центрполиграф», 2021

* * *

Глава 1

Свет в просторном коридоре был приглушен, но висевшие на стенах гобелены, казалось, излучали собственное сияние. Массивные двойные двери с полупрозрачными стеклами, к которым направлялся Айво Греко, всегда должны были оставаться закрытыми, чтобы поддерживать стабильную влажность и освещение для сохранности антиквариата.

Проникающий сквозь двери свет создавал своего рода эффект света в конце туннеля, но это была иллюзия. Айво не ожидал увидеть за ними никакой версии небесного рая, поскольку эти двери вели в комнаты его деда.

Он послал за ним сорок восемь часов назад, и никому бы не пришло в голову заставить ждать Сальваторе Греко.

Сальваторе говорил, что уважает своих людей, но на самом деле, обладая огромным состоянием и огромной властью, он обладал и весьма чувствительным эго.

В восемь лет, когда Сальваторе получил опеку над ним и его братом, Айво не знал, что такое эго, но скоро понял, что деда легко рассердить. Это случилось за день до дня рождения, когда отец Айво решил, что больше не хочет жить. Айво нашел его тело, а Сальваторе нашел Айво.

В тот день Айво запомнил силу жилистых рук деда, когда тот вынес его из той ужасной комнаты.

С тех пор Айво знал, что он в неоплаченном долгу перед ним. А когда наконец понял, что Сальваторе вовсе не ангел-хранитель, а жестокий, вспыльчивый деспот, которому почти невозможно угодить, он все равно остался для него тем, кто вынес его из ада.

Айво уже давно оставил попытки ему угодить. Он знал, что больше всего дед ненавидел, когда ему мешали. Знал, какой резкой могла быть его реакция на обиду – реальную или мнимую, – вот почему люди, окружавшие Сальваторе, редко с ним не соглашались. По крайней мере, открыто.

Поэтому Айво не очень беспокоился об ожидавшем его приеме.

Айво вновь занервничал, когда в памяти всплыло непрошеное воспоминание; спокойствие и невозмутимость не всегда были ему свойственны.

Бруно потребовалось не менее часа, чтобы уговорить его покинуть укрытие в лабиринте чердаков палаццо. Айво не помнил, что он такого сделал, что могло рассердить Сальваторе, но он запомнил слова брата: «Никогда не показывай ему, что ты его боишься, и тогда настанет день, когда твой страх исчезнет».

Айво отогнал это воспоминание, черты его лица стали жестче – прошлое ушло.

Никто не мог быть более жалким, чем люди, цепляющиеся за прошлое. Он их видел везде. От людей, зациклившихся на упущенных возможностях и старых обидах, до того парня, что без конца хвастал своими ранними успехами на спортивном поприще, словно завоеванная в двадцать лет медаль полностью определяла его. Все они упустили возможности, которые предлагало им будущее.

Взгляд Айво всегда был устремлен вперед, хотя именно в этот момент его внимание привлекло то, что находилось на периферии зрения. Следовавший за ним человек едва не налетел на него, когда он внезапно остановился. Отмахнувшись от извинений, Айво откинул голову и сделал шаг назад, чтобы в полной мере насладиться превосходной работой.

– Это новая?

– Не могу сказать, сэр.

Ответ был вежливым, но в нем явно чувствовалось беспокойство. Бросив последний взгляд на гобелен, Айво снова двинулся по коридору.

Личное пространство Айво было лаконично-функциональным, но он ценил красоту и талант во всех его проявлениях. Ирония заключалась в том, что его дед не понимал красоту.

Сальваторе был известным коллекционером многих ценных предметов искусства – живописи, изделий из нефрита, фарфора, – но для него все сводилось к приобретению. Он испытывал удовольствие только от обладания теми вещами, которые хотели иметь другие. Он мог забыть историю создания картины или имя художника, но прекрасно помнил заплаченную за нее цену. И имена коллекционеров, которых ему удалось обойти.

После того как они прошли через двери с матовыми стеклами и оказались в светлом коридоре, из окон которого открывался вид на Тирренское море, сверкающее бирюзой в лучах утреннего тосканского солнца, Айво повернулся к своей «тени»:

– Думаю, отсюда я уже сам найду дорогу.

Человек колебался; было видно, что слова Айво противоречили полученным от Сальваторе инструкциям. Он хотел возразить, но, встретившись взглядом с темными глазами Айво, коротко кивнул и исчез.

Личные апартаменты Сальваторе располагались в старой части здания, занимая одну из четырех башен, построенных в двенадцатом веке. Массивная металлическая дверь кабинета была открыта, и Айво вошел. Он знал, что увидит, и все же испытал момент дезориентации, чувствуя себя так, будто ступил на съемочную площадку футуристического фильма. Его рука невольно потянулась к карману пиджака, где лежали его солнцезащитные очки, настолько ослепительным было сияние антисептической белизны и хрома.

Пять лет назад Сальваторе решил обновить обстановку. Он сорвал со стен старую деревянную обшивку вместе со стоявшими на стеллажах книгами и витиеватым декором, который теперь был гладким и современным. Рациональным, как сказал Сальваторе, когда они наблюдали, как на стены крепили огромные мониторы. Единственное, что осталось от прошлого, – это огромный письменный стол.

Айво вспомнил, как он однажды признался, что скучает по старой обстановке, и вызвал презрительную усмешку, когда добавил, что особенно ему нравился запах старых книг. Сальваторе назвал его тогда сентиментальным дураком.

Айво снес оскорбление, небрежно пожав плечами, понимая, что, если бы Сальваторе действительно считал его дураком, он бы не отдал ему управление Отделом информационных технологий и коммуникаций «Греко индастрис». Впрочем, «отдал» было не совсем правильным словом. Широкий жест был сделан, но Сальваторе не считал это решение окончательным.

В тот момент благодарность Айво была вполне искренней, хотя он и догадывался, что все это задумывалось как упражнение по подрезанию крыльев. Негласным ожиданием было то, что молодой выскочка потерпит неудачу. И все произойдет публично.

Но Айво отказал Сальваторе в удовольствии протянуть ему руку помощи. Большое разочарование для того, кто привык держать все под контролем.

И до сих пор Айво пользовался полной свободой действий.

Неужели все вот-вот изменится?

Айво не был склонен к паранойе, но в совпадения тоже не верил. Время срочного вызова – едва успели высохнуть чернила, которыми он подписал соглашение о новом слиянии, – говорило само за себя. Слияние означало, что Отдел информационных технологий больше не был бедным родственником «Греко-индастрис», но может бросить вызов военным контрактам компании и даже стать жемчужиной в короне, расширившись до Отдела средств массовой информации.

До сих пор Сальваторе был удовлетворен и грелся в лучах отраженной славы успехов его внука… но, возможно, теперь ему стало этого мало? Не собирался ли он объявить, что тоже хочет получить свою долю власти?

Учитывая то, что Сальваторе был помешан на контроле, такой вариант не исключался, и Айво уже решил, что, вместо того чтобы уступить, он просто уйдет.

«Ищешь повод, Айво?»

Сдвинув брови, он проигнорировал этот насмешливый голос.

На самом деле он прекрасно знал, что никогда не отступится от своего долга, как не отступился от него Сальваторе. Айво был не таким, как его отец. Или как его брат.

– Доброе утро, дед.

В восемьдесят лет Сальваторе Греко по-прежнему оставался внушительной фигурой. В его прямой спине не было немощности, но, когда он повернулся, Айво впервые подумал, что его дед действительно стар. Возможно, виноват был в этом утренний свет, который подчеркивал глубину морщин на лбу и щеках, идущих от крыльев носа до уголков твердо сжатого рта.

Сальваторе заговорил. В сильном глубоком голосе не было ни малейшего намека на возраст.

– Твой брат мертв. – Сальваторе занял свое место в кресле за антикварным столом. – Мне нужно, чтобы ты позаботился обо всем лично, понимаешь?

– О чем? О похоронах?

И все равно это казалось невозможным. Бруно – на девять лет старше его… сколько это будет? Тридцать восемь? Разве можно умереть в тридцать восемь лет?

Возмущение вызвало вспышку гнева, за которой последовало яростное неверие в происходящее.

Это, должно быть, ошибка. Да, так оно и было, какая-то страшная ошибка. Если бы его брат был мертв, он бы это почувствовал.

Глаза Сальваторе сузились, губы сжались – явное свидетельство раздражения.

– Насколько мне известно, их похоронили в прошлом месяце.

Слова эхом отдавались в голове Айво. Ему нужно было сесть. Он уже несколько недель ходил по городу и вел себя как обычно, в то время как его брат был мертв. Как он мог ничего не почувствовать?

Айво покачал головой и еще раз прервал деда:

– В прошлом месяце?

Сальваторе молча смерил его взглядом и протянул руку к хрустальному графину, стоявшему на серебряном подносе рядом с двумя низкими стаканами.

Наполнив один стакан на три четверти, он толкнул его через стол – стакан с легким скрипом скользнул по его идеально отполированной поверхности.

Айво покачал головой, не увидев в этом жесте ничего, кроме презрения.

Много лет назад он понял, что его дед на не способен на сочувствие. Эмоциональные реакции в глазах Сальваторе были слабостью, которые нужно было изучить и использовать. Не случайно со временем лицо Айво приобрело непроницаемое выражение.

То, что началось как средство самозащиты, теперь стало его второй натурой.

– Ты сказал – их? – Мозг Айво начал функционировать, но он не знал, хорошо ли это. Чувство утраты ощущалось буквально каждой клеткой, как он поклялся больше никогда не чувствовать. После ухода Бруно он остался один, и осознание того, что рассчитывать ему больше не на кого, заставило его закрыться. И вот теперь эти дремлющие чувства снова пробудились к жизни, затуманивая его острый ум.

– С ним была… эта женщина.

– Его жена. – Айво сделал ударение на этом слове, когда в его голове возник ее неясный образ.

Айво только раз видел женщину, с которой ушел его брат, и с тех пор уже прошло четырнадцать лет. Наверное, ее глаза все же не были такими синими, но память об этом ярком цвете осталась с ним даже после того, как его обида прошла.

В конце концов, именно Саманта Хендерсон лишила Айво старшего брата, которым он восхищался, и будущего, о котором он мечтал.

Не сразу, но он вернется за ним, обещал Бруно, когда Айво умолял брата не уезжать. Сколько ему понадобилось времени, чтобы понять: Бруно уже никогда не вернется?

«Дурачок», – насмешливо произнес голос в его голове, когда Айво подумал, как наивен он был тогда. Бруно просто говорил то, что ему хотелось услышать. На самом деле он и не думал за ним возвращаться. Он бросил его.

Все люди в жизни Айво вели себя так: сначала его отец, потом Бруно. Человек, который хотел бы постоянно подвергать себя такому разочарованию и боли, должен быть дураком, а Айво им не являлся.

Айво не хотел ставить себя в положение, когда кто-то мог обладать властью причинить ему боль. Он не искал любви; любовь будила чувства, лишая мужчину целостности.

До этого момента избежать заражения любовью было не трудно. Намного легче, чем уклониться от сексуальных контактов. Таким образом, жизнь свободна от любви, но не от верности.

Его дед никогда не требовал любви, но требовал преданности, и Айво считал это справедливым. Сальваторе был единственным человеком, кто пришел за ним туда, единственным, кто никогда не притворялся тем, кем он не был.

Старик был дьяволом, но не прятался за маской святого. Бруно был его любимым внуком. Его наследником.

Айво, который боготворил брата, это устраивало.

Однако все почему-то считали, что когда-нибудь он взбунтуется, и, пока он рос, на его случайные неудачи, хотя они и не оставались безнаказанными, смотрели как на нечто почти ожидаемое. Говорили, что он похож на отца и, вероятно, унаследовал и его слабости.

До Айво доходили эти слухи, и он решил, что докажет: все ошибаются. Да, его отец был слабаком, потому что только слабак может лишить себя жизни из-за женщины и оставить двоих детей сиротами.

Возможно, его мать была особенной – так говорил Бруно, – но Айво ее совсем не помнил. А отца он просто не позволял себе помнить, он презирал его.

Для Бруно все было иначе – он чувствовал себя избранным. Нет, это не просто – для наследника Сальваторе планка была поставлена высоко и неудачи не допускались. Он должен оправдывать все ожидания, и, возможно, именно поэтому, когда он бросил Сальваторе вызов, последствия оказались такими ужасными.

Сальваторе сам выбрал невесту для своего наследника. Союз казался выгодным. Невеста была единственным ребенком и наследницей огромного состояния. К тому же с достойной родословной, что для Сальваторе было не менее важно. Он любил говорить о родственных связях, подчеркивая, что Греко, чью родословную можно было проследить на несколько веков, уже давно входили в элиту Европы.

Айво исполнилось пятнадцать лет, когда его брат ушел, чтобы жить с женщиной, которую любил. И тогда он понял, что все слухи были неверны. Это не Айво, а Бруно унаследовал слабости их отца. Это он не мог жить без страсти и одержимости женщиной.

Но зато мог жить без чести и без своего младшего брата.

Бруно предал его, но тем не менее продолжал существовать в каком-то холодном и мрачном месте на Шотландских островах.

Но теперь он был мертв. Это казалось невероятным.

– Тебя никто не информировал? – Айво прижал палец к морщине между бровями, пытаясь усвоить то, что сейчас услышал.

– Разумеется, меня информировали. Мне сообщил эту ужасную новость адвокат твоего брата. И да… сестра той женщины прислала письмо… написанное от руки… очень неразборчиво, – добавил он, презрительно хмыкнув.

Айво покачал головой, ощущая смесь всепоглощающего гнева и чувства вины одновременно.

– Так ты знал? – На его шее задергался какой-то мускул. – И до сих пор не счел нужным сказать мне?

– Какой был в этом смысл, Бруно?

Казалось, Сальваторе не заметил, как он его назвал, тяжелые веки опустились на горящие темным огнем глаза.

– А тебе не приходило в голову, что я мог захотеть поехать на похороны?

Поехал бы он?.. Но теперь он этого никогда не узнает, подумал он с горькой иронией.

– Нет, не приходило. Все было кончено много лет назад, когда он перестал быть твоим братом… – Губы старика скривились. – Ты ведь не лицемер, правда?

Айво медленно поднял голову, его темные глаза остановились на лице Сальваторе: сейчас оно казалось мертвенно-бледным; только подергивающийся на подбородке нерв придавал ему жизни.

Он покачал головой, словно желая проснуться.

– Бруно связался со мной полтора года назад. Он хотел встретиться. – Тупо уставившись куда-то вдаль, Айво не заметил, как по лицу деда пробежала тень.

– И вы встретились?

Айво повернулся. Если бы любовь, которую он чувствовал к брату, действительно умерла, неужели сейчас он мог бы испытывать такую боль?

Отогнав от себя эту мысль, он глубоко вздохнул и расправил плечи. Мужчина должен отвечать за свои поступки.

– Нет.

Чего, вероятно, он никогда не сможет себе простить. Его брат протянул ему руку, а он отверг его… и почему? Потому что по-прежнему носил с собой детский гнев и обиду? Потому что хотел наказать Бруно?

Презрение к себе тошнотворно подрагивало в животе, усиливая чувство вины. Дело в том, что он закрыл глаза на дезертирство, но не смог простить лжи, которая поддерживала в нем надежду.

– Я думал, он сдался… – задумчиво проговорил Сальваторе, потирая серую щетину на подбородке.

– Сдался?..

– Бруно держался в стороне после того, как я добился судебного запрета на встречи, но письма продолжали поступать… какое-то время. – Сальваторе нахмурился. – Когда же это было?.. Ладно, не имеет значения… но все прекратилось после того, как мои адвокаты предупредили его, что, если он снова попытается вступить с тобой в контакт, я лишу наследства вас обоих и это будет его вина.

Айво отчаянно пытался понять, что сейчас услышал.

– Так он возвращался за мной?

Сальваторе хмыкнул.

– Хотел получить опекунство, представляешь?

Выражение лица старика говорило Айво о презрении к этой идее, но Айво не обратил на эмоции деда внимания. Так, значит, Бруно не лгал, он не бросил его.

– Значит, он за мной все же вернулся…

Сальваторе нетерпеливо щелкнул пальцами.

– Как будто суд ему бы это позволил… с его-то пристрастиями.

– С какими пристрастиями?

– Не думаю, что ты это знаешь, но твой брат одно время баловался наркотиками. В школе он попал в плохую компанию и был пойман с небольшим количеством… достаточно почистить под ковром, но запись осталась.

– Наркотики? Бруно? Чушь какая…

Разве что мимолетный эпизод. Ни малейшего намека на этот скандал не доходил до Айво… но что еще могли от него скрыть?

Он отказался от своего брата, но тот не сдался. Это открытие оставило в его рту сладковато-горький привкус.

Слова Сальваторе наводили на мысль, что Бруно не просто вернулся, он боролся, он протянул ему руку… но Айво оттолкнул ее. Чувство вины словно сжало вокруг него свои щупальца, заключив в клетку.

Все, во что верил Айво, перевернулось с ног на голову.

И тогда Сальваторе нанес следующий удар:

– Ребенок…

Айво резко повернул голову.

– Какой ребенок?

– У твоего брата есть ребенок… мальчик… – Дед нетерпеливо взмахнул рукой. – Не важно, как они его назвали… Вот почему я хочу, чтобы ты поехал в Шотландию, на остров Скай. Полагаю, ты знаешь, что твой брат жил там в какой-то лачуге… вероятно, даже без электричества и горячей воды. Я хочу, чтобы ты привез этого ребенка. Его место здесь, с нами. Его отец, возможно, был дураком, но ребенок – Греко, и у него есть наследство.

– Как… – Айво прикрыл глаз и ощутил нервный ком в горле, – как они умерли?

– Несчастный случай при восхождении… очевидно, они были в связке. Свидетель рассказывал, что они слышали, как он умолял ее обрезать веревку, но она этого не сделала.

Впервые Айво показалось, что он услышал в голосе деда какие-то чувства, когда он хрипло добавил:

– Айво всегда был безрассуден, – и закрыл глаза.

– Бруно всегда любил горы, – тихо сказал Айво. Мягкость, с которой он произнес имя брата, подействовала на Сальваторе как разряд тока.

Его глаза распахнулись от гнева.

– Именно это я и сказал! И посмотри, к чему все привело! Если бы он не лазил по этим чертовым горам, то никогда бы не встретил свою горшечницу!

Изрядное преувеличение, но Саманта действительно была за тысячу миль от безупречно ухоженных моделей и светских львиц, с которыми раньше встречался Бруно. «Любовь с первого взгляда», – сказал он.

Как будто у него не было выбора! Айво не верил в это ни тогда, ни сейчас.

Это оправдание для слабого человека – человека, которым Айво никогда не хотел быть. Выбор есть всегда. Но почему-то уверенность, с которой он жил всю жизнь, сейчас прозвучала менее убедительно.

– Я говорил с адвокатами, но нарушить завещание невозможно.

– Значит, есть завещание… и что там написано? – поинтересовался Айво, хотя сейчас он мог думать только о Бруно и о том, что он его не предал. Брат все же сражался за него, хотя и безуспешно.

– Не имеет значения, – сказал Сальваторе.

Айво так не думал, но промолчал. Он размышлял о сыне Бруно. Он повернулся спиной к брату, но не мог повернуться спиной к племяннику!

– Они были молоды… молодые никогда не думают о смерти, а эта Хендерсон… ее сестра…

– А у нее есть имя?

– Какое-то шотландское… Фиона… или нет, Флора, кажется.

– И она является законным опекуном ребенка?

Айво понял: ему приятно, что у Бруно есть сын, что какая-то его часть продолжает существовать в нем. Возможно, со временем это станет утешением, когда боль утраты не будет такой острой, а чувство вины таким разъедающим. Сейчас ему нужно было сосредоточиться не на чувстве вины, а на ребенке, оставшемся без отца.

– Это просто смешно! – Сальваторе с такой силой опустил руку на столешницу, что та едва не сломалась. – Она… у нее… ничего нет! – выплюнул он с презрением.

– Если ты хочешь быть частью жизни этого ребенка, может, для начала стоит хотя бы запомнить ее имя? – заметил Айво.

– Я не хочу, чтобы она вошла в жизнь ребенка. Это ее семья виновата в том, что я потерял внука.

Весьма поверхностный взгляд, хотя и ему предлагали то же самое.

– Удивляюсь, как тебе удавалось обходиться без компромиссов? Почему не быть реалистом и не довольствоваться тем, что возможно?

Глаза Сальваторе презрительно сузились.

– Это и есть тот жизненный урок, который ты усвоил? Довольствоваться?! – фыркнул он. – Я сделал ей отличное предложение! Отличное! Она отказалась.

– Ты предложил купить ребенка? – О боже. – И ты удивлен, что женщина отказалась?

– Не буквально. Но я знаю почему. Сама она не может иметь детей, значит, будет цепляться за этого ребенка, – мрачно пробормотал Сальваторе. – Ее письмо… сентиментальная болтовня, приглашающая меня навестить его там… в этой халупе. Но я не хочу… не хочу, чтобы эта семья была в жизни моего внука! Они забрали у меня…

Голос Сальваторе задрожал, глаза остекленели и стали пустыми. От гнева или от горя? Или оттого, что кто-то встал на его пути?

Что бы ни вызвало дрожь в его голосе, но это неожиданное свидетельство уязвимости заставило Айво вспомнить день, когда Сальваторе был силен. Когда он спас его от той комнаты и от безжизненно распростертого на полу отца, которого Айво по своей детской наивности пытался привести в чувство с помощью оставшихся в почти пустом флаконе таблеток, пробуя протолкнуть их сквозь его холодные губы, в надежде, что лекарство поможет.

Не понимая, что эти таблетки и были причиной его смерти.

Сейчас Сальваторе желал спасти ребенка Бруно так же, как он уберег тогда Айво. Голос крови был для него превыше всего.

«Кто ты такой, чтобы насмехаться? – спросил он себя. – Разве ты сам не хочешь просто успокоить свою вину?»

Айво пожал плечами. Ни одна из этих причин не была особенно благородной, но и Греко не славились благородством. Они были известны потому, что всегда получали то, чего хотели.

Айво замер, когда в его сознании вспыхнуло запоздалое озарение: он хотел вырастить этого ребенка, эту часть Бруно, которая осталась.

Он дал им обоим время прийти в себя, прежде чем сказать:

– Должен ли я спросить, есть ли эта информация в общем доступе или тебе удалось добраться до медицинской карты этой женщины?

Сальваторе неопределенно пожал плечами и грустно улыбнулся.

Айво не стал настаивать. Его не слишком беспокоили запреты, которые нарушал Сальваторе. Айво обладал гордостью итальянца за свою культуру, гордостью, которая, как он знал, была и у его брата, и мысль о том, что сын Бруно мог остаться без этой части своего наследия, рисовала перед его внутренним взором головокружительное количество запретов, которые он был способен преодолеть.

У Айво был долг перед братом, и он его вернет. Он даст племяннику воспитание, которого они с Бруно лишились, и так он получит искупление от грехов.

Сальваторе уже полностью пришел в себя и раздраженно нахмурился.

– Нужны рычаги давления, но у нас ничего нет.

– Ты имеешь в виду, что у нее нет скелетов в шкафу?

– У нее случился роман с каким-то футболистом, но в то время он еще не был женат.

– И чего ты тогда хочешь от меня? Чтобы я похитил ребенка?

«Да» был бы менее шокирующим ответом, чем тот, что он услышал:

– Я хочу, чтобы ты женился на ней и привез мальчика сюда. Юристы говорят, что этот поступок даст тебе законные права. После развода ты без труда получишь опеку.

Момент ошеломленного недоверия нашел выход в смехе.

– Ты закончил? – спросил Сальваторе, когда в комнате наступила тишина.

Были времена, когда такое ледяное презрение могло заставить сжаться его желудок от страха, но это время прошло.

– Похоже, ты основательно все обдумал, – сказал Айво.

– Что, ты не смог бы заставить ее влюбиться в тебя, если бы захотел?

– Спасибо за доверие, – сухо сказал Айво. Он встал, поставил ладони на стол и подался вперед. – Так вот, я – не хочу.

Он был уже у двери, когда услышал:

– Я умираю… и хочу, чтобы ты привез сюда ребенка. Или ты желаешь, чтобы сын твоего брата воспитывался у этих дикарей, никогда не имея тех преимуществ, которые могла бы дать ему семья Греко? Неужели ты такой эгоист?

Айво медленно повернулся, его темные глаза скользнули по морщинистому лицу деда.

Да, он действительно выглядел старым.

– Это правда?

– Ты думаешь, я стал бы тебе лгать?

– Почему нет?

Старик рассмеялся, принимая это за комплимент.

– Я хочу сохранить хоть немного достоинства в этом не слишком приятном процессе. Не собираюсь надоедать тебе подробностями, но я умираю и хочу увидеть мальчика. Ты сделаешь это для меня?

Грудь Айво опустилась, когда он выпустил задержанное на несколько секунд дыхание.

– Я не могу ничего обещать, – сказал он, мысленно давая себе обещание – привезти ребенка сюда, но не отдавать его Сальваторе, а, наоборот, постараться защитить от его токсического влияния, как в свое время защищал его Бруно.

Старик улыбнулся:

– Я знал, что ты меня не подведешь, Бруно.

Глава 2

Флора осторожно спускалась по лестнице и, вздрогнув, застыла, когда под ее ногой скрипнула ступенька. Пытаясь удержат равновесие, она прислушалась и с облегчением выдохнула, когда сверху не донеслось ни звука.

Мама сказала, что у Джейми просто режутся зубки, но вообще он довольно спокойный ребенок.

По прошествии нескольких недель Флора пришла к выводу, что спокойные младенцы – это вымышленные существа вроде эльфов или единорогов, только спят они еще меньше.

Флора смутно помнила, что такое нормальный сон. Она с тоской вспоминала то время, когда ее представления о плохой ночи не шли дальше того, что, перед тем как заснуть, она с полчаса могла проворочаться с боку на бок.

Теперь она могла спать стоя – да, она спала стоя!

Почему-то у Сэми все получалось легко. Глаза Флоры наполнились слезами. Она была так сосредоточена на образе улыбающейся сестры и боли от ее потери, что не сразу почувствовала холод.

Наверху она его не замечала, поскольку прошагала несколько миль по окрашенной в яркие цвета детской, напевая назойливую мелодию из рекламы дезодоранта – не очень подходящая колыбельная, но она не могла выкинуть ее из головы.

Флора поежилась и накинула поверх свитера толстый кардиган. Если отбросить в сторону непотизм, она гордилась своим первым проектом в качестве квалифицированного архитектора. Результат преобразования заброшенного каменного стойла – где ее сестра и шурин решили устроить свой дом и вести бизнес – в ресторан с комнатами удостоился упоминания, хотя и не получил никакого приза, на одном из престижных конкурсов.

Отопление и изоляция были в приоритете, и в доме всегда было тепло и уютно, благодаря экологичной и современной системе отопления, тройному остеклению и крыше из солнечных панелей, но сегодня холодные сквозняки, похоже, все же нашли способ проникнуть внутрь.

Флоре не приходило в голову, что здесь может быть что-то еще, кроме бушующего снаружи шторма и несколько отдаленных уголков, пока ее рука не коснулась панели радиатора. Вместо успокаивающего тепла ее пальцы ощутили леденящий холод.

Она застонала, стараясь не думать, что они сами отказались от котельной. Такое решение считалось разумной экономией, поскольку все было сделано по последнему слову техники и прекрасно работало.

Флора позволила себе пару раз шмыгнуть носом, но потом выпрямилась и расправила плечи.

«Ладно, завтра ты можешь побить себя и позвонить в компанию, а сейчас перестань хныкать и сделай все, что в твоих силах».

Флора обдумала, какие у нее были варианты. Перебраться в маленькую гостиную с видом на материк – не очень хорошая идея, поскольку она не растопила заранее камин, а без подогрева пола и с окнами во всю стену там было бы холоднее, чем здесь.

Поэтому лучше поставить в детскую запасной обогреватель, а себе налить бутылку горячей воды и забраться в постель. Сейчас только половина девятого, но ее внутренние часы из-за хронического недосыпания были настолько сбиты, что это не имело никакого значения.

Да, уже было похоже на план.

Итак, во-первых, сначала обогреватель в детскую, а потом сделать себе горячую грелку. Ее толстые шерстяные носки бесшумно ступали по каменному полу лаундж-зоны, совмещенной с баром, в то время как ревущий снаружи шторм наращивал свою мощь.

Она поежилась, подумав о тех, кому не повезло иметь несколько футов камня между собой и разбушевавшейся стихией.

Покусывая нижнюю губу, Флора пыталась решить, подбросить ли еще торфа в дымящийся камин, прежде чем лечь спать, или не стоит.

Потом она начала вспоминать, где был запасной обогреватель, который ей нужно будет поставить в детскую, когда раздался стук в дверь. Эту дверь она закрыла за поваром два часа назад, решив, что больше все равно никто не придет.

Флора бросилась через комнату, боясь, как бы этот стук не разбудил ребенка. Неловкими пальцами она возилась с дверным засовом.

– Ну подождите… вот сейчас…

Когда дверь открылась, в комнату ворвался ледяной ветер.

Ветер толкнул ее в грудь, заставив отступить.

Она едва услышала стук тяжелой дубовой двери, ударившейся о противоположную стену, из-за рева ветра и разбивающихся о берег невидимых волн.

И вот под этот дикий звук из темноты возник незнакомец.

На какую-то долю секунды Флоре показалось, что это Каллум… но это, конечно, был не он. Местный мальчишка, преуспевший благодаря умению пинать мяч и увеличивать продажи всего, от хлопьев для завтрака до автомобилей, улыбаясь в камеру, жил сейчас в Испании… или в Японии? В любом случае между ними

было мало сходства, кроме роста, атлетической мускулатуры и ее воображения.

Мужчина на мгновение застыл в дверном проеме. За его спиной, подхваченные ветром, развевались полы длинного пальто. Если бы разбушевавшаяся стихия могла принять человеческий облик, она, вероятно, выглядела бы именно так.

Мужчина протянул руку и без всякого видимого усилия, конкурируя с ураганным ветром, закрыл за собой тяжелую дверь. Оглушительный рев мгновенно превратился в глухой отдаленный стон, и огонь, на короткое время вспыхнувший от притока кислорода, угасая, выбросил из камина облако едкого дыма.

При более спокойных обстоятельствах Флора подумала бы об ущербе, какой это могло нанести свежевыкрашенной белой стене. Но сейчас она не думала ни о краске, ни о чем другом.

Всплеск адреналина, заставивший напрячься все ее мышцы, перевел ее нервную систему в режим «беги или дерись», хотя ни то ни другое не принесло бы большой пользы. Теперь, когда дверь была закрыта, мужчина показался ей еще выше. Вода, стекавшая по его коротким волосам, дрожала каплями на кончиках темных, неожиданно длинных ресниц. Влажная кожа отливала золотом.

Крепко сжатые чувственные губы, твердый подбородок и глубоко посаженные темно-карие глаза завораживали.

– Вы кто? – выдохнула она. Голосу Флоры явно не хватало той приветливой теплоты, о которой часто упоминали туристы в своих отзывах. Хотя сейчас у нее имелось оправдание. Она была в шоке или?..

Флора вдруг вспомнила о своей склонности к смазливым красавчикам? Нет, это Каллум был смазливым красавчиком, а этот мужчина действительно красив. Слишком громко сказано?

«Нет, сейчас не слишком подходящий момент, чтобы думать об этом», – решила она, изучая идеальную форму его головы с высокими скулами, твердым подбородком и орлиным носом. Взгляд скользнул по чувственной линии его рта, и по коже Флоры пробежала дрожь.

Отлично! Как раз то, чего ей не хватало!

Видимо, судьба решила, что потеря сестры и шурина, свалившийся на ее плечи бизнес и маленький ребенок – этих проблем для нее недостаточно. Надо было еще появиться на пороге ее дома мистеру Темному и Загадочному и раздуть угольки ее дремлющего либидо.

Хотя вряд ли разбушевавшиеся вдруг гормоны были виной Темного и Загадочного.

Флора попыталась взять себя в руки.

– Я забронировал номер.

Низкий, глубокий тембр с интригующим акцентом был почти осязаем. Она ощутила нервный ком в горле. Этот голос напомнил ей голос ее бывшего зятя, Бруно: теплый, несмешливый. А в голосе незнакомца было столько же тепла, сколько в рефрижераторе.

Флора мысленно встряхнулась, призывая на помощь свои полезные навыки, когда, учась в университете, она подрабатывала в баре.

Так почему, черт возьми, она ведет себя как косноязычная идиотка?

Правда, до сегодняшнего дня ни один из гостей не прибывал сюда в дорогом дизайнерском костюме под таким же дорогим пальто, идеально сидящим на плечах шириною в милю. И никто… нет, Флора решила даже не думать о сексуальной ауре, которую он излучал, надеясь, что завтра после хорошего ночного сна она обнаружит, что ее фантазия разыгралась лишь от усталости.

Шансы на то, что так и случится, были довольно высоки, потому что, хотя мнение ее бывшего жениха для нее давно ничего не значило, в одном он, вероятно, был прав – чувственностью она не отличалась.

– Какие-то проблемы?

Айво даже не понимал, пока дверь не открылась, что ожидал увидеть высокую гибкую блондинку, а не маленькую рыжеволосую девушку с невозможно тонкой талией.

Айво засунул руки в карманы, представив, как его длинные пальцы смыкаются вокруг нее. Плавные женственные изгибы выше и ниже талии послали по его телу еще одну волну жара.

Он перевел взгляд на ее лицо. Не легко было смотреть на женщину, на которой Сальваторе предлагал ему жениться.

Неожиданно в его голове возник ее образ, плывущий по проходу к алтарю, но он тут же отбросил его в сторону. Так же как и мысль о браке.

Да, он был здесь, но не для того, чтобы жениться!

Был ли его альтернативный план менее безумным? На самом деле «план» – это слишком громко сказано, скорее, импровизация.

Так что да, возможно, безумным, но не таким безумным, как казалось ему тогда, когда он хотел бросить свою машину на затопленном участке дороги, примерно в миле отсюда.

Айво не верил ни в судьбу, ни в знамения, но, когда ты едешь по трассе, которая стремительно превращается в реку, у любого человека, даже самого здравомыслящего, невольно может возникнуть вопрос: а не пытался ли этими неприятностями ему кто-то что-то сказать?

Айво гордился тем, что умеет приспосабливаться к обстоятельствам, но сегодняшний день стал для него настоящим испытанием. С самого утра все пошло не так.

Проблемы с двигателем начались вскоре после того, как они взлетели, заставив пилота повернуть назад и совершить вынужденную посадку в Риме. Когда Айво, наконец пересев на другой рейс, приземлился в шотландском аэропорту, то не нашлось ни одного водителя, желающего отправиться в Скай ввиду неблагоприятного метеорологического прогноза. Всем жителям советовали

оставаться дома и перемещаться только по самым важным и неотложным делам.

Учитывая, что поездка была очень важной, он пренебрег этим предупреждением, полагая, что, скорее всего, это означало просто сильный дождь.

И это решение дорого обошлось Айво. Он бросил взгляд на свои кожаные ботинки ручной работы, которые едва удалось вытащить из грязи, ступив на, казалось бы, твердую землю.

И вот теперь он здесь, но все по-прежнему идет не по плану.

Сказать, что стоящая перед ним женщина некрасива – даже если учесть, что миниатюрные и хрупкие особы его никогда не привлекали, – нельзя было совершенно. Он встречался и с более красивыми женщинами, хотя ни у одной из них не было лица в форме сердечка и тициановских локонов. Вздернутый маленький нос, чувственный рот и широко посаженные голубые глаза, обрамленные черными густыми ресницами… и маленькая ямочка на заостренном, решительном подбородке.

В ответ на его вопрос Флора подняла глаза от его груди – его пристальный взгляд мешал ей сосредоточиться.

– Вы в галстуке.

Она крепко зажмурилась и подумала, что зато теперь в любой момент она может сказать что-то такое, что позволит предположить, что у нее не одна извилина.

Пожалуйста, пусть это случится поскорее!

Когда она снова открыла глаза, мужчина уже расстегнул пальто и пиджак. Длинные пальцы скользнули по светло-серому галстуку.

– У вас здесь что, дресс-код?

Если бы у них был дресс-код, то он включал бы в себя непромокаемый плащ и трековые ботинки. Флора решила не обращать внимания на его саркастический

тон. В конце концов, это ее работа – сделать так, чтобы гости чувствовали себя здесь комфортно, даже самые капризные из них.

– У нас есть сушилка, но ваша одежда все равно испортится, если вы рискнете выйти на холмы в такую погоду. – Было удивительно, как часто ей приходилось повторять, казалось, совершенно очевидные вещи. – Да, и во всех спальнях есть карта острова и фотографии аэросъемки, хотя многие гости предпочитают пользоваться услугами местных гидов. А если вас интересует геология, то здесь есть совершенно удивительные…

– Не интересует, и я хорошо ориентируюсь на местности.

Именно поэтому Айво оказался единственным человеком, которому удалось завершить трудный переход через пустыню – мероприятие, устроенное крупным благотворительным фондом. Хотя сейчас единственным местом, куда его неудержимо влекло, был изгиб ее полных губ.

– Так, значит, вы приехали на рыбалку? – Как бы отчаянно они ни нуждались в деньгах, ей вдруг захотелось, чтобы этого гостя вообще здесь не было.

Он стиснул зубы.

– Я приехал не для того, чтобы ловить рыбу.

Борясь с ребяческим желанием сказать ему, что на самом деле ей это нисколько не интересно, она улыбнулась:

– Что ж, надеюсь, вам здесь понравится. – На мгновение Флора замялась. – По правде говоря, я не знала, что у нас забронирован номер. Вы приехали издалека?

– Да.

Даже с кирпичной стенкой разговор был бы более увлекательным, подумала она.

– Ну что ж, тогда, возможно, вы хотели бы зарегистрироваться? Карта или… – Флора посмотрела на стол, где обычно лежал старинный кожаный гроссбух и

книга отзывов, приглашая гостей оставить свои комментарии.

Книга, цветы и веточки в старом оцинкованном кувшине – все было на месте, но только не кожаный гроссбух.

Айво смотрел, как она, сосредоточенно хмурясь, прижала палец к морщинке между бровями, и все же это были темные круги под глазами, что привлекли его внимание. В нем шевельнулось что-то близкое к сочувствию, и это удивило его.

Он вспомнил свои ощущения, когда в открытой двери появилась эта миниатюрная огневласка, ощущения, которые ему еще предстояло проанализировать. Вероятно, подсознательно он ожидал увидеть точную копию ее сестры – высокую стройную блондинку, околдовавшую брата. К тому же он не учел возможности, что женщина, ставшая между ним и его племянником, может оказаться привлекательной.

Теперь Айво признал свою ошибку и двинулся дальше. Если отвлечься на ее красоту, то это может стать проблемой. Но он не даст этому случиться.

Его уверенность была оправдана: в последний раз Айво позволил своему либидо взять над ним верх, когда был еще подростком.

С тех пор Айво не раз испытывал желание, но избегал всего, что можно было назвать отношениями. Поскольку, едва на это появлялся хоть какой-то намек, женщина, говорившая, что любит его за то, что он такой, какой есть, начинала пытаться его изменить.

И их встречам сразу приходил конец.

Не было такой женщины ради, которой Айво согласился бы изменить себя. Не было такой женщины, без которой он не смог бы жить.

Одна мысль об этом вызывала у него циничную улыбку.

– Разве не вы здесь хозяйка? – спросил Айво.

Его слова заставили Флору вздернуть подбородок. Видимо, его внутренние качества были не так совершенны, как внешние.

– Да, я, – холодно сказала она и уверенно направилась к бару, как будто у нее не было ни малейших сомнений, куда мог задеваться этот чертов гроссбух.

Удача оказалась на ее стороне.

– Ну вот, – сказала Флора, кладя толстенный фолиант на вощеную поверхность стола.

Спутниковая антенна предназначалась для подключения к Интернету, и на следующей неделе для них должен был настать двадцать первый век, и тогда этот гроссбух стал бы не нужен. Одновременно это был и еще один из неоплаченных счетов, которые не давали ей спать по ночам.

Флора перевернула страницы, где записывала заказы на ужин, и все они были перечеркнуты красным до того места, откуда начинались брони на комнаты.

И точно – на сегодняшний вечер забронирован один номер.

Она подняла глаза, изо всех сил стараясь почувствовать тепло, которое должна была излучать ее улыбка.

– Мне очень жаль, что я это пропустила, мистер?.. – Она тряхнула головой, не в силах расшифровать каракули Фергюса или избавиться от чувства антипатии, которое вызывал в ней этот гость.

– Рокко, – сказал Айво, назвав свое второе имя, как и тогда при бронировании. Он не хотел приступать к действиям, пока не изучит ситуацию.

– Хорошо, мистер Рокко. Извините за недопонимание, но я решила, что все отменили свои заказы из-за непогоды.

Его взгляд скользнул по окну, за которым по-прежнему лил дождь.

– Вы хотите сказать, что здесь не всегда так?

Вопрос прозвучал без всякого намека на юмор. Флора с трудом подавила желание броситься на защиту любимого острова.

Уголки ее губ опустились, когда она подумала о своей сестре. Сэми бы давно заставила этого самоуверенного гордеца есть у нее из рук. Она вздрогнула, как от удара, когда чувство потери с новой силой обрушилось на нее. Хорошо бы Джейми проснулся, подумала она, чтобы было хоть что-то, на чем она могла бы сосредоточиться, чтобы притупить душевную боль.

– Не хотели бы вы чего-нибудь выпить, чтобы согреться после дороги? – Она наклонилась, чтобы достать бутылку сорокалетнего солодового виски, которое они держали именно для таких случаев.

«Бутылка самого действенного средства», как называл ее Бруно, предназначалась для использования, когда все остальные средства не достигали своего результата при общении с неловкими или чем-то расстроенными клиентами. Таких было мало. Чаще ее доставали, чтобы произнести тост по какому-нибудь особому случаю – например, поздравить недавно помолвленную пару.

Айво смотрел на ее ладную фигурку в туго обтянутых джинсах с чисто мужским интересом и едва скрываемым желанием.

Флора выпрямилась и поставила бутылку на стойку, чтобы он мог видеть ее этикетку, но выражение его лица не смягчилось… Может ли смягчиться гранит?

– За счет заведения, – торопливо добавила она.

– Нет, – ответил гость на ее великодушный жест, мгновенно заморозив ее улыбку. – Могу ли я посмотреть меню?

Ее лицо вытянулось.

– Меню?..

Айво сардонически приподнял бровь, глядя, как краска заливает ее тонкую веснушчатую кожу.

Флора прикусила губу.

– Фергюс, наш повар, вообще-то ушел домой… – Флора замолчала, сообразив, что вряд ли стоило говорить этому мрачному незнакомцу, что она, не считая спящего наверху ребенка, была одна в доме. Устыдившись внезапного приступа страха, она расправила плечи и добавила: – К сожалению.

– Значит, кухня закрыта?

По выражению его лица Флора поняла, что положительного рейтинга в отзыве незнакомца не будет.

– Я могу сделать вам сэндвич.

Дело было не в том, что она не умела готовить, но ее смущал промышленный вид ресторанной кухни с ее блестящими поверхностями из нержавеющей стали и новейшими высококачественными гаджетами.

Незнакомец усмехнулся.

– Ну хорошо, – быстро сказала она. – Тогда я провожу вас в вашу комнату. У нас тут возникли небольшие проблемы с отоплением… из-за грозы, – добавила Флора. Судя по его виду, ее усилия оказались тщетными. Положительный отзыв от гостя горел синим пламенем. – Но я принесу электрообогреватель, и в комнате станет тепло.

Она уже была на нижней ступеньке лестницы, когда камин изрыгнул из себя очередной столб едкого дыма.

Флора выругалась и закашлялась.

– Должно быть, ветер дует не с той стороны, – хрипло извинилась она.

– Есть какое-то правильное направление?

Прежде чем она успела отреагировать на его сарказм, ее отвлек вздох и сонное бормотание, транслируемое через радионяню.

Флора на несколько секунд затаила дыхание.

Глава 3

– У вас есть ребенок?

Айво увидел, как расширились от удивления ее глаза. Словно завороженный, он смотрел на лицо Флоры, на котором отразилась смесь самых противоречивых эмоций.

Она подняла голову.

– Да, это мой ребенок, – сказала она с вызовом.

В конце концов Флора приняла вердикт доктора, хотя это и было не легко. Можно было продолжать горевать и злиться или надеяться на чудо – вероятно, на такие вещи каждый реагировал по-своему. Но ее способ избавления от негативных мыслей состоял в том, чтобы перестать думать о невозможном и поберечь энергию для сражений, которые можно было выиграть.

Но это не означало, что Флора не мечтала когда-нибудь произнести слова: «Мой ребенок».

Ирония состояла в том, что она сказала их не потому, что произошло чудо, а потому, что она продолжала жить в одной из версий ночного кошмара, и, когда она их произнесла, реальность вновь обрушилась на нее со всей своей сокрушительной силой.

Печаль накрывала Флору по нескольку раз в день, и каждый раз Флора словно налетала на стену утраты, боли и страха, что ей с этим не справиться. Еще никогда в жизни она не чувствовала себя настолько беспомощной.

Конечно, в ее карьере не раз возникали проблемы, но сейчас она совершенно не знала, что делать. Быть ответственной за чью-то жизнь оказалось самым страшным, что только можно себе вообразить. Можно ли как-то подготовить себя к подобному риску? Или хорошими матерями рождаются?

В таком случае Сэми повезло. Ее глаза затуманились, когда она подумала сестре – с какой легкостью ей удавалось со всем справляться!

Пытаясь пробиться сквозь бурю эмоций, Флора сделала глубокий вдох.

Сомнения были отвлекающим фактором, который она не могла себе позволить. Ей нужно сосредоточиться на мирских заботах, таких как оплата по счетам, и не спать на ходу.

– О, простите, – сказала Флора и улыбнулась. – Можно я возьму ваш багаж? – Она посмотрела в сторону двери, где мужчина бросил свою дорожную сумку.

Даже стоя на второй ступеньке лестнице, ей пришлось запрокинуть голову, чтобы заглянуть ему в лицо. Это движение заставило рассыпаться по плечам ее рыжие волосы.

Из досье, которое собрал Сальваторе, Айво знал, что Флора Хендерсон из-за недавних трагических событий была вынуждена отказаться от ее любимой работы, и собирался использовать этот момент для достижения своей цели.

Да, она определенно выглядела усталой. Бледные щеки, темные круги под глазами.

Но вместо удовлетворения Айво вдруг почувствовал сострадание. Через мгновение он переоценил свою реакцию. Сострадание требовало определенной близости, а он был близок только с его семьей, к которой, кроме Сальваторе, принадлежал теперь и спавший наверху ребенок. А между ним и малышом стояла эта женщина.

– Думаю, с этим я и сам справлюсь, мисс?..

– О, Хендерсон, – сказала Флора и неожиданно для себя добавила: – Флора.

Смутившись, она повернулась и начала подниматься по лестнице. Ей не нужно было слышать скрип ступенек, чтобы знать: мужчина идет за ней следом. Казалось, она могла чувствовать его затылком.

К тому времени, когда они добрались до конца лестницы, Флора почти задыхалась, но не потому, что атаковала ее, как спортсмен, собираясь побить рекорд. Ее раздражало, что он смотрел на нее так, словно мог заглянуть в ее сознание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kim-lorens/ya-trebuyu-svad-bu

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити